

Заключительная часть диссертации содержит выводы и краткое реферирование содержания основных глав.

Весьма ценным представляется реестр соматических фразеологизмов.

Работа, как отмечено выше, оставляет очень хорошее впечатление по глубине содержания, но не лишена она и недочетов, не имеющих, правда, принципиального значения. Так, на стр. 67 автор пишет, что сейчас трудно сказать, с чем связано возникновение фразеологизма *коваште мбңгеш* 'долг будет оплачен', букв. 'шкура будет возвращена'. Однако если учесть, что мерой обмена у марийцев

была беличья шкура, можно объяснить возникновение указанного фразеологизма именно этим, ибо вплоть до настоящего времени денежный счет у марийцев велся по названию беличьей шкурки, ср. *кумыр* 'копейка', т. е. 'три белки'. На стр. 152 неформленный винительный падеж автор диссертации называет номинативом, с чем вряд ли можно согласиться.

Эти недочеты легко устранимы при подготовке рукописи к печати. Они ничуть не умаляют значение исследования. Хотелось бы, чтобы автор диссертации продолжила свою работу.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.4.13>

Вопросы удмуртского языкознания, вып. III, Ижевск 1975

По сравнению с предыдущими выпусками (I, 1969, II, 1973) тематика исследований в рецензируемом сборнике значительно расширилась, пополнился круг его авторов. Выпуск содержит исследования по истории литературного языка, исторической фонетике, морфологии, словообразованию, синтаксису, этимологии отдельных слов, топонимии, заимствованиям.

Общественность Удмуртской АССР широко отмечала в ноябре 1975 г. юбилей первой научной грамматики удмуртского языка. Выход настоящего сборника и посвящен двухсотлетию грамматики, изданной в 1775 г. в Санкт-Петербурге под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка».

Непосредственно с этим событием связаны статьи В. М. Вахрушева «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» и В. Е. Майера «Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка». В них читатель узнает об истории создания памятника, его особенностях, о роли первой научной грамматики в развитии языкознания и культуры удмуртского народа.

Удмуртская филология прошла сложный путь развития, преодолены огромные трудности, и тем значительнее представляются нам современные достижения удмур-

товедов. Самым существенным из них является окончательное оформление единого удмуртского литературного языка, пути формирования которого прослеживаются в статье В. М. Вахрушева «К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка». Автор, в частности, уточняет термин «младописьменные» языки, вслед за В. И. Лыткиным относит удмуртский к старописьменным языкам с небольшой дореволюционной литературой, критически рассматривает периодизацию развития литературного удмуртского языка. Это тем более важно, что до недавнего времени недооценивалось или совсем отрицалось дореволюционное развитие письменности многих языков. В статье затрагиваются отдельные вопросы истории формирования литературного языка, но приводимые положения представляют собой значительный вклад в эту сложную проблему.

В последние годы ведутся интенсивные разыскания по древнеудмуртскому вокализму, в этой связи заслуживают внимания статьи В. К. Кельмакова («Рефлексы древнеудмуртских среднеязычных гласных верхнего подъема в современных диалектах», «Судьба праудмуртского огубленного *ö* в современных диалектах»). Представленную в сборнике работу «Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках» автор посвящает 80-

летию своего учителя профессора В. И. Лыткина. В. К. Кельмаков очень убедительно, на широком диалектологическом материале и данных других финно-угорских языков раскрывает особенности функциональной нагрузки указанной подсистемы — вокализма непервого слога, исследует причины распространения огубленных гласных в непервых слогах корня и суффиксах.

А. А. Поздеева в статье «Значения и функции глагольного суффикса *-свк* и его разновидности в современном удмуртском языке» обращает внимание читателя на синкретичность рассматриваемой морфемы. Интересны ее наблюдения над словообразующей ролью суффикса, его способностью образовывать непереходные глаголы непосредственно от имен, наречий, отдельных форм глагола, что находит прямые аналогии в близкородственном коми языке.

Явление адъективации причастий имеет распространенный характер в пермских языках. Однако оно еще недостаточно изучено. Л. И. Калинина в статье «Адъективация причастий на *-ись*» на материале родного языка исследует процесс перехода причастий в разряд прилагательных, останавливаясь на семантических и грамматических особенностях причастий на *-ись* и выявляя условия перехода их в прилагательные.

В статье «Способы выражения вокативности в удмуртском языке» Т. И. Тепляшина углубляется в исследование патроними удмуртов и выявляет ряд терминов и средств для выражения вокативности в удмуртской номенклатуре родства, отражающих древние нормы взаимоотношений членов семьи и патриархальное неравенство внутри семьи.

На раскрытии роли служебных слов тюркского происхождения останавливается И. В. Тараканов. Он дает подробное грамматическое описание частиц, послелогов, союзов, заимствованных из соседних тюркских (главным образом татарского) языков. Каждая единица рассматривается как в функциональном, так и в семантическом аспектах. Автор прослеживает фонетическое освоение заимствованных служебных слов, субституцию соответствующих звуков и приходит к выводу, что в северные диалекты и литературный язык заимствования проникают в

настоящее время через носителей южных и периферийно-южных диалектов удмуртского языка.

Удмуртский синтаксис особенно успешно разрабатывается в последние десятилетия. Специфике своеобразных синтаксических конструкций «спаренных глаголов», бытующих в удмуртской речи, посвящена статья В. К. Кельмакова. Конструкции такого типа имеют свою литературу, но исследователь еще раз уточняет термин «спаренные глаголы», четко отграничивает их от свободных синтаксических сочетаний с деепричастиями на *-са*. Из родного ему кукморского диалекта В. К. Кельмаков вводит в научный оборот большой пласт модификаторов, глаголов, выполняющих формально-грамматические функции, наряду с деепричастием на *-са* несущих основную семантическую нагрузку; для иллюстрации приведены многочисленные примеры. В. К. Кельмаков присоединяется ко мнению исследователей «спаренных глаголов» о том, что последние возникли в удмуртском языке под влиянием татарского. Нам представляется, есть некоторые причины считать, что пермские «спаренные глаголы» могли возникнуть по внутренним законам развития самих пермских языков. В коми языке есть устойчивые сочетания, в которых слово, стоящее рядом с деепричастием, также является модификатором, выполняет роль носителя формально-грамматического признака, а лексическое значение его выветривается, например: *пышйõмõн мунны* 'сбежать' (досл. 'убегая уйти'), *гõгõрвотõг ог ов* 'я понимаю' (досл. 'не живу не понимая'), *вачэдэмн олэ* иж. 'спрятался' (досл. 'спрятавшись живет'). Работа Р. И. Яшиной «К вопросу о формах связи компонентов в предикативных сочетаниях удмуртского языка» посвящена разбору предикативных сочетаний. Исследователь на фольклорном материале и с привлечением данных родственных языков (карельского и коми) приходит к выводу, что предикативные сочетания с неполной координацией представляют собой «остаточные синтаксические явления древнеудмуртского языка» (стр. 234).

Интересы удмуртоведов направлены на разработки как по исторической лексикологии, так и по сравнительному диалектологическому словарю.

Исследование Р. Ш. Насибуллина «Из лексики удмуртских народных говоров» является фрагментом из будущего «Сравнительного словаря удмуртских диалектов». Автор выявил и дал этимологию большому количеству диалектных слов, не зафиксированных в словарях и встречающихся лишь в периферийных говорах удмуртского языка.

Этимологические работы посвящены названиям животных и птиц в удмуртских говорах (С. В. Соколов) и названиям деталей удмуртского женского платья *дэрэм* (Г. А. Романова).

В статье М. Г. Атаманова «Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования *Эгра*» дается краткая история исследования института воршуда и уточнен этот термин. Опираясь на данные исторической фонетики пермских языков, автор, как нам представляется, довольно убедительно возводит родовое имя удмуртов *Эгра* к форме *йöгpa* 'обские угры', что проливает

определенный свет на историю заселения данной местности.

В работе Т. И. Тепляшиной «Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян» на материале данных Центрального государственного архива древних актов и полевых записей микро-топонимов дается классификация названий географических объектов 17 населенных пунктов и семантически представленная топонимия распределяется по трем группам названий. Приводится список названий, семантика которых затемнена и выяснение ее требует дальнейшего изучения.

Третий выпуск «Вопросов удмуртского языкознания», несомненно, представляет большой вклад в удмуртоведение и станет настольной книгой для всех, кто интересуется пермистикой и финно-угроведением в целом.

Е. А. ИГУШЕВ, В. А. ЛЯШЕВ
(Сыктывкар)

От редакции

В № 3 нашего журнала за 1976 год на стр. 211 ошибочно смещены первые четыре абзаца, которые должны были следовать за вторыми столбцами примеров.